

НИКИТА А. СЛЕПЦОВ

Университет Альберты, Эдмонтон, Канада

ОТ ВИДИМОСТИ К ПРИНАДЛЕЖНОСТИ *Рецензия на книгу: Edenborg E. (2017) Politics of Visibility and Belonging. From Russia's "Homosexual Propaganda" Laws to the Ukraine War,* Routledge

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-237-244

Тот факт, что средства массовой информации (медиа) не являются беспристрастными «передатчиками» информации, но по сути создают реальность, в которой мы живем, — давно и хорошо изученный феномен [Brown, 2002; Castells, 2009; Fazekas, Larsen, 2016; Gamson et al, 1992; Lawrence, Rose, 2010; McCombs, Shaw, 1972; Özcan, 2013; Venzo, Hess, 2013]. Однако в условиях, когда медиа не просто лояльны властям, а выступают механизмом передачи нужной информации, власть получает возможность формировать общественное мнение и восприятие определенных феноменов¹.

237

В книге «Политика видимости и принадлежности. От российских законов о „пропаганде гомосексуализма“ до войны в Украине» шведский исследователь Эмиль Эдинборг из Университета Сёдертёрна анализирует российское медиа-пространство с целью выявить роль, которую играют проправительственные (state-aligned) и альтернативные медиа в (вос)производстве и оспаривании принадлежности к тому или иному политическому сообществу. Одним из таких сообществ в исследовании выступает российская политическая нация. Свои выводы автор делает на основании трех кейсов:

Слепцов Никита Александрович — докторант департамента политических наук, Университет Альберты. Научные интересы: политика сексуальности, политическая гомофобия, экспериментальные методы исследований.
E-mail: sleptcov@ualberta.ca

Nikita A. Sleptcov — Ph.D. student at the University of Alberta. Research interests: sexual politics, political homophobia, experimental political research.
E-mail: sleptcov@ualberta.ca

- 1 Более подробно на эту тему см., например, Butler J. (1993) *Bodies That Matter*, London: Routledge.

- политический проект по ограничению визуальной репрезентации «нетрадиционной сексуальности», нашедшей законодательное воплощение в региональных и федеральном законе от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», более известном в России и мире как закон о запрете гей-пропаганды (далее закон о запрете гей-пропаганды);
- зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 г.;
- военные действия в Украине в 2014–2015-х годах.

Книга состоит из пяти глав. В первой главе автор приводит теоретический обзор исследований по теме политики видимости и принадлежности, вторая глава посвящена анализу российского медиа-пространства, а в последних трех автор приводит результаты исследования кейсов, на примере которых показано, как власть посредством медиа проводит политику видимости и принадлежности.

238

В самом общем виде политика видимости или изучение того, кто, как и при каких условиях оказывается (не)видимым, своими корнями уходит во французскую философию второй половины XX века, и попытки критически осмыслить, каким образом посредством дискурса происходит постоянная борьба и перераспределение власти между группами. Жак Рансьер, на которого Эдинбург неоднократно ссылается, пишет, что в результате такой борьбы «имеет место символическое распределение тел, разделяющее их на две категории: на тех, кто виден, и тех, кто не виден; тех, у кого есть логос, достопамятная речь, которую надлежит учитывать, и тех, у кого логоса нет; тех, кто действительно говорит, и тех, чей голос, выражая удовольствия и страдания, только подражает членораздельности» [Rancière, 1999, p. 22]. В такого рода борьбе участвуют группы с неравными возможностями, а значит, политика заключается в способности конкурирующих групп заявить о себе публично, выразив альтернативную позицию, поставить под сомнение «организованную ложь», выстроенную доминирующими группами [Agendt, 1993, p. 251–259].

Российское ЛГБТ-сообщество, конечно, выбрано автором не случайно. С середины 2000-х, как отмечает Эдинбург, российские «квиры» смогли добиться того, что «гомосексуальность и права ЛГБТ стали хорошо видимы как политическая проблема» [p. 172]. По мнению ряда российских исследователей, это связано с возросшей ролью интернета как платформы для выражения политических позиций и пространства «видимости» для представителей российского ЛГБТ-сообщества, а также появлением региональной сети общественных ЛГБТ-организаций [Kondakov, 2013; Созаев, 2010].

Деятельность как региональных, так и столичных общественных объединений заключалась в организации и проведении массовых публичных мероприятий с целью заявить о своем существовании, следовательно, и о принадлежности к целому — российской политической нации. По мнению Ирины Соболевой и Ярослава Бахметьева, подобные действия наталкиваются на контрдискурс, связанный с ролью «православия в конструировании государственной идеи и нормативности» [Соболева, Бахметьев, 2013, с. 221]. Таким образом, нация и принадлежность к ней как к воображаемому, по меткому определению Бенедикта Андерсона, сообществу — это вопрос постоянной межгрупповой борьбы, в процессе которой условные «границы» нации подлежат постоянному пересмотру [Anderson, 1983; Yuval-Davis, 2011].

По мнению Эдинборга, Россия, начиная с 2000-х годов, т. е. с приходом к власти Владимира Путина, целенаправленно осуществляет «усилия по поиску жизнеспособных нарративов национальной принадлежности и единства» [р. 17]. Автор наблюдает это в постепенном переходе основных федеральных телеканалов под косвенный контроль государства и формировании того, что Путин назвал «единым информационным пространством» [Simons, 2010, р. 24]. Признавая тот факт, что в информационном пространстве страны наиболее влиятельными являются проправительственные медиа, Эдинборг признает и присутствие альтернативных медиа, диверсифицирующих «рынок предоставления информационных услуг».

Постепенно президентская администрация стала смещать акцент с часто противоречивых, но мирных нарративов национальной идентичности вроде «культурных скреп», на более агрессивный поиск врагов внутри страны. Как замечает Эдинборг, после переизбрания Путина в 2012 г. эта тенденция только усилилась: киров, мигрантов и политических оппонентов стали преследовать и клеймить как «пятую колонну» и «экстремистов» [р. 18].

При этом автор практически не уделяет внимания России 1990-х годов, упуская возможность обнаружить предпосылки, приведшие уже в конце 2000-х к политике регулирования «видимости и принадлежности» представителей российского ЛГБТ-сообщества. Брайан Бэр отмечает, что именно во время «лихих 90-х», сопровождаемых социальными, экономическими и политическими потрясениями, а также возросшей видимостью квир-сексуальности (queer sexuality), «многие россияне восприняли эту видимость как симптом, если не причину современного им смутного времени» [Ваг, 2008, р. 4].

Международная обстановка вокруг страны и положение России в мире также обходятся автором стороной. Такие важные вопросы, как расширение НАТО на Восток, военные действия на территории

Грузии в 2008 г. и то, как российские СМИ описывали эти и другие события, не принимаются во внимание. Очередной виток расширения НАТО в сторону России в 2007 г. был воспринят со стороны России как враждебный акт и в дальнейшем послужил основанием для поиска новой внутренней идеологии, не основанной на западных либеральных ценностях [Sleptcov, 2018].

Масштабный проект по подготовке и проведению зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. также связан с политикой видимости и принадлежности. Он должен был показать стране и миру, что россияне могут ставить цели и добиваться результатов, несмотря на жесткие временные рамки и стоимость проекта. Мега-проект Олимпийских игр был в то же время и глобальным зрелищным медиа-событием (*spectacular media event*), который должен был не просто сформировать определенное представление о России и россиянах, но и исключить определенные группы из общественного фокуса [Persson, Petersson, 2014].

240

Олимпиада в Сочи — это «арена для национального строительства и конструирования национальных идентичностей», где спортивные достижения должны служить доказательством национального превосходства [Грохов, 2014, с. 81]. В отличие от режима законов о запрете гей-пропаганды, направленных на «сдерживание» видимости, олимпийский проект был направлен на «усиление видимости [отдельных групп — *добавлено автором*] через активное производство и распространение желанных образов и нарративов принадлежности к сообществу» [р. 234].

Группами, исключенными из общественного внимания, оказались российские и приехавшие в страну иностранные представители ЛГБТИК-сообщества, часть политически активных этнических черкесов, попытавшихся воспользоваться присутствием международных СМИ, чтобы привлечь внимание к вопросу геноцида черкесского народа царскими войсками в XIX веке, а также исламисты, объявившие территорию, на которой проходили игры, мусульманской и чуждой олимпийскому движению. Для российских властей и проправительственных медиа было необходимо сформировать образ единой и сильной России, в которой национальные, этнические, сексуальные и религиозные конфликты если не полностью устранены, то сведены к минимуму. Эту стройную картину, выстроенную властями, пытались поставить под сомнение маргинализованные группы, которые создавали контрнарративы и привлекали к ним внимание иностранных СМИ.

Военные действия на территории Украины, начавшиеся в 2014 г., также стали информационным и визуальным событием, а образы врагов и практика насилия играют центральную роль в формировании, утверждении и определении чувства единого национально-

го «я» [Campbell, 1992; Shapiro, 1997]. Российские медиа включились в «информационную войну» с новой украинской властью сразу же с начала революционных действий в Киеве. Российские телеканалы наводнили новые нарративы, указывающие на нелегитимность смены власти в Украине, на враждебный по отношению к России политический курс. Политическую элиту страны называли «хунтой», «фашистами», «укрогейропейцами» и проч.

Отдельной частью информационной борьбы между российскими проправительственными и альтернативными медиа стали секретные похороны российских военнослужащих, погибших на территории Украины. Официальная позиция России, которая информационно поддерживалась проправительственными СМИ, заключалась в отрицании наличия регулярных российских войск и военной техники на территории соседнего государства. Альтернативные медиа и социальные сети, как пишет Эдинбург, ответили сатирой, юмором и стебом (stioб), — так это слово вошло и в академический английский язык. При этом эффективность подобного рода контрмер и их влияние на общественное мнение автором не оценивается.

Российское информационное пространство представляет собой сложное гетерогенное образование, в котором нарративы, создаваемые проправительственными СМИ, постоянно оспариваются, высмеиваются и опровергаются альтернативными нарративами. Примеры, на которых сосредоточил свое внимание автор, подтверждают политическую борьбу, направленную на видимость и, как следствие, признание определенных групп (сексуальных диссидентов, этнических групп и т. д.) и их интересов в рамках российского политического сообщества. Несмотря на то что исследование было посвящено событиям, происходящим в российском медийном пространстве, Эдинбург подводит читателя к мысли, что процессы, связанные с дискурсивным перераспределением власти, не являются уникальными для России, а связаны с общей политикой идентичности. Политика идентичности, существовавшая так или иначе всегда, как показывает Эдинбург, актуализируется в момент масштабных медиа-событий.

241

Библиография

- Грохов В. (2014) Национальные идентичности в глобальной спортивной культуре: вызовы Сочи-2014 для олимпийской команды России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (5): 71–86.
- Соболева И., Бахметьев Я. (2013) «Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на запрет «Пропаганды гомосексуализма». *Журнал исследований социальной политики*, 12 (2): 217–232.

- Созаев В. (2010) ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере. *Гендерные исследования*, 20 (21): 90–126.
- Anderson B. (1983) *Imagined Communities. In Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, New York City: Verso.
- Arendt H. (1993) *Between Past and Future: Eight exercises in political thought*, New York: Penguin Books.
- Baer B.J. (2008) Texts, Contexts, Subtexts: Reading Queerness in Contemporary Russian Culture. *How Should We Read Queer in Russia*: 3–7.
- Brown J.D. (2002) Mass media influences on sexuality. *Journal of Sex Research*, 39 (1): 42–45.
- Campbell D. (1992) *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*, University of Minnesota Press.
- Castells M. (2009) *Communication power (First)*, London: Oxford University Press.
- Fazekas Z., Larsen E.G. (2016) Media Content and Political Behavior in Observational Research: A Critical Assessment. *British Journal of Political Science*, 46 (1): 195–204.
- Gamson W.A., Croteau D., Hoynes W., Sasson T. (1992) Media Images and the Social Construction of Reality. *Annual Review of Sociology*, 18 (1): 373–393.
- 242 Kondakov A. (2013) Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28 (3): 403–424.
- Lawrence R.G., Rose M. (2010) *Hillary Clinton's race for the White House: gender politics and the media on the campaign trail*, Lynne Rienner Publishers.
- Lijphart A. (1971) Comparative Politics and the Comparative Method. *American Political Science Review*, 65 (3): 682–693.
- McCombs M.E., Shaw D.L. (1972) The Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*, 36 (2): 176.
- Özcan E. (2013) Lingerie, Bikinis and the Headscarf. *Feminist Media Studies*, 13 (3): 427–442.
- Persson E., Petersson B. (2014) Political mythmaking and the 2014 Winter Olympics in Sochi: Olympism and the Russian great power myth. *East European Politics*, 30 (2): 192–209.
- Rancière J. (1999) *Disagreement: politics and philosophy*. University of Minnesota Press.
- Shapiro M.J. (1997) *Violent cartographies: mapping cultures of war*, University of Minnesota Press.
- Simons G. (2010) *Mass media and modern warfare: reporting on the Russian war on terrorism*, New York: Ashgate.
- Sleptcov N. (2018) Political Homophobia as a State Strategy in Russia. *Journal of Global Initiatives: Policy, Pedagogy, Perspective*, 12 (1): 140–161.
- Venzo P., Hess K. (2013) “Honk Against Homophobia”: Rethinking Relations Between Media and Sexual Minorities. *Journal of Homosexuality*, 60 (11): 39–56.
- Yuval-Davis N. (2011) *The Politics of Belonging: Intersectional contestations*, London: Sage.

References

- Anderson B. (1983) *Imagined Communities. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, New York: Verso.
- Arendt H. (1993) *Between Past and Future: Eight exercises in political thought*, New York: Penguin Books.
- Baer B.J. (2008) Texts, Contexts, Subtexts: Reading Queerness in Contemporary Russian Culture. *How Should We Read Queer in Russia*: 3-7.
- Brown J.D. (2002) Mass media influences on sexuality. *Journal of Sex Research*, 39 (1): 42-45.
- Campbell D. (1992) *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*, University of Minnesota Press.
- Castells M. (2009) *Communication power (First)*, London: Oxford University Press.
- Fazekas Z., Larsen E. G. (2016) Media Content and Political Behavior in Observational Research: A Critical Assessment. *British Journal of Political Science*, 46 (1): 195-204.
- Gamson W.A., Croteau D., Hoynes W., Sasson T. (1992) Media Images and the Social Construction of Reality. *Annual Review of Sociology*, 18 (1): 373-393.
- Grokhov V. (2014) Natsional'nye identichnosti v global'noi sportivnoi kul'ture: vyzovy Sochi-2014 dlia olimpiiskoi komandy Rossii. [*National Individuals in the World Sports Culture: Problems of Sochi-2014 for the Russian Olympic Team*]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, (5): 71-86.
- Kondakov A. (2013) Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28 (3): 403-424.
- Lawrence R.G., Rose M. (2010) *Hillary Clinton's race for the White House: gender politics and the media on the campaign trail*, Lynne Rienner Publishers.
- Lijphart A. (1971) Comparative politics and the comparative method. *American Political Science Review*, 65 (3), 682-693.
- McCombs M.E., Shaw D.L. (1972) The Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*, 36 (2): 176.
- Özcan E. (2013) Lingerie, Bikinis and the Headscarf. *Feminist Media Studies*, 13(3): 427-442.
- Persson E., Petersson B. (2014) Political mythmaking and the 2014 Winter Olympics in Sochi: Olympism and the Russian great power myth. *East European Politics*, 30 (2): 192-209.
- Rancière J. (1999) *Disagreement: politics and philosophy*, University of Minnesota Press.
- Shapiro M.J. (1997) *Violent cartographies: mapping cultures of war*, University of Minnesota Press.
- Simons G. (2010) *Mass media and modern warfare: reporting on the Russian war on terrorism*, New York: Ashgate.
- Sleptcov N. (2018) Political Homophobia as a State Strategy in Russia. *Journal of Global Initiatives: Policy, Pedagogy, Perspective*, 12 (1): 140-161.

Soboleva I., Bakhmetjev Ya. (2013) "Menja kak budto vytolkali za vorota": reaktsija LGBT na zapret "propagandy gomoseksualizma". [*"I Was Basically Kicked off": Reaction of LGBT on the "Prohibition of Homosexuality Propaganda"*]. *The Journal of Social Policy Studies*, 12 (2): 217-232.

Sozaev V. (2010) LGBT-dvizhenie v Rossii: portret v inter'ere. [LGBT-movement in Russia: portrait in the interior]. *Gendernye Issledovaniia*, 20 (21): 90-126.

Venzo P., Hess K. (2013) "Honk Against Homophobia": Rethinking Relations Between Media and Sexual Minorities. *Journal of Homosexuality*, 60 (11): 39-56.

Yuval-Davis N. (2011) *The Politics of Belonging: Intersectional contestations*, London: Sage.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Слепцов Н.А. (2018) От видимости к принадлежности. Рецензия на книгу: Emil Edenberg (2017) *Politics of Visibility and Belonging. From Russia's "Homosexual Propaganda" Laws to the Ukraine War*, Routledge. *Социология власти*, 30 (1): 237-244.

Sleptcov N.A. (2018) From Visibility to Belonging. Review: Emil Edenberg (2017) *Politics of Visibility and Belonging. From Russia's "Homosexual Propaganda" Laws to the Ukraine War*, Routledge. *Sociology of Power*, 30 (1): 237-244.